

Мы и другие

Так называется мой маленький любимый социальный проект. С марта 2016 года примерно раз в месяц на сайте Белпресса выходит текст, посвященный отдельной проблеме. В каждом тексте несколько историй от первого лица. Это социально исключенные, иногда неудобные, а чаще просто непонятные люди. Люди, о которых мы так мало знаем, рассказывают свои истории, чтобы мы попробовали их услышать и почувствовать, как условна граница между нами.

ОЛЬГА АЛФЁРОВА, КОРРЕСПОНДЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «МИР БЕЛОГОРЬЯ»,
ГОРОД БЕЛГОРОД

Ч Т О

Мне выпало счастье несколько лет проработать в благотворительной организации помощи бездомным людям «Ночлежка» в Санкт-Петербурге.

Там больно побились многие мои представления об уютном и логично устроенном окружающем мире. Оказывается, не все ВИЧ-инфицированные наркоманы. Не все цыгане воры. Не все бездомные алкоголики. Оказывается, я, из хорошей семьи, с образованием, вся с ног до головы благополучная, совершив несколько элементарных ошибок, очень легко могу оказаться в социальной яме, и никто мне не поможет, потому что «сама виновата».

Как приятно было думать, что со мной такого никогда не случится, потому что я из другого теста. Как страшно было понять, что я ни от чего не застрахована. Я мучительно наблюдала, по каким корзинкам я разложила людей и какие этикетки на них наклеила. Отрывались они с мясом. Моим.

Мне захотелось рассказать обо всем этом. Идея оформилась на волне вдохновения от благотворительного проекта «Такие дела» с их слоганом «Мы вернем в журналистику человека».

Никто не расскажет о бездомности лучше, чем сам бездомный. О том, как помочь наркоману, никто не знает лучше самого наркомана. Не может быть, мы учились в одном вузе, он тоже любит Хемингуэя и тоже мечтает о своей пасеке! Выходит, не такой-то он и другой. Когда ты способен поставить себя на место другого человека, ты больше не можешь его ненавидеть.

К Т О

Я делала материалы с бывшими заключенными, с наркозависимыми, бездомными, цыганами, людьми, просящими милостыню, людьми с психическими заболеваниями, выпускниками дет-

работы, когда учишься переключаться: после работы не думать о работе и разделять себя и свои профессиональные обязанности. После того как состоялся доверительный разговор — несколько дней на «отходняк», и тогда можно делать сухую выжимку из разговора.

Мне кажется, автору нужен специфический жизненный опыт, который уничтожит страх, боязнь других людей. Иногда приходится встречаться в неприятных или небезопасных местах — у кого-то дома, в машинах, в приютах. Обычные правила техники безопасности здесь актуальны, но главное — не бояться человека. Нельзя бояться подцепить вшей, пить из кружки, куда тебе налили чай, или темного прошлого уголовника, нельзя проявлять брезгливость, осуждать или жалеть. Только уважение и искренность. Нормальный, в общем-то, способ общения с любым человеком.

А еще не жалеть времени. Когда ты идешь в гости к цыганам, ты не упрямишься за час, а проведешь в семье день, пообедаешь, споешь, получишь приглашение на свадьбу. Когда общаешься с бездомным, ты можешь быть первым, кто уважительно с ним разговаривает за много лет. Когда ты ищешь героя, просящего милостыню, будь готов, что десять и двадцать человек грубовато или равнодушно тебя отошьют.

Но такта и этики никто не отменял: за пределами публикации остается иногда добрая половина разговора. Потому что это будет по-человечески. Кредит доверия, который тебе открывают, иногда бывает слишком велик.

С Ч Е М

Я хотела делать выразительный портрет и несколько снимков из быта и окружения героя, но практически сразу возникла проблема. Если мне обычно удается расположить к себе человека, то фотограф — уже посторонний, лишний свидетель, люди не готовы открываться.

Не удалось исполнить задумку с мини-репортажем и по другой причине: мы живем в небольшом городе, и многим героям важно сохранить анонимность. И я их понимаю. Это важно для репутации, потому что людям здесь жить, строить семью, работать, здесь растут их дети.

Иногда люди отказываются не только фотографироваться, но и называть свое имя, при этом рассказывают удивительные истории. Тогда мы рисуем к тексту иллюстрации и придумываем псевдоним, но читаемость от этого неизбежно падает — люди гораздо меньше доверяют анонимным историям. Некоторые тексты берут в газеты нашего издательского дома, там проблема с иллюстрациями и читаемостью не так видна.

З А Ч Е М

«Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно». Нет, на звание спасителя человека я не претендую, просто иногда все складывается очень здорово: журналист помогает герою уже фактом появле-

ния в его жизни — начинают работать государственные механизмы, оживают чиновники, находятся доброжелатели.

А я, вероятно, мечтаю хоть на каплю увеличить количество любви в мире. Чтобы бездомного не выгнали из подъезда на мороз. Чтобы бывшего зэка взяли на работу. Чтобы не проходили мимо плачущего цыганского ребенка. Чтобы не косились, не боялись, а принимали других такими, какие они есть.

Чтобы всегда было так, как с последним текстом про людей, просящих милостыню: **десятки комментариев и ни слова ненависти, а вместо этого множество сообщений от незнакомцев со словами «Как я могу помочь?».** Это и есть ответ.

&

